

Заскрипели-зашумели вековые дубы, склонили ветви над землёй, они, словно переговариваясь между собой, сурово смотрели в хмурое небо, где в черноте бездны свинцовой дали зарождалась гроза. Густой чёрной мешковиной грузного баула вздулись наполненные холодной влагой тучи, нависли над байрачной дубовой рощей и степью. Непогода загоняла зверушек и птиц под лохматые кудри спасительной чащи деревьев.

Гроза пришла внезапно. Степь вздохнула тишиной, тишиной короткой, переводя дух после неимоверного перенапряжения, придавленная чёрным низким небом; степь впитала эту тишину всем своим пространством. Кривые замысловатые линии всполохов молнии пронзили небо в нескольких местах. Раздались разрезающие воздух раскаты грома. После секундного затишья сильные порывы ветра превратились в настоящий ураган. С треском рухнул огромный тополь, он, вздохнув отжившей гнилой сердцевиной, распластался на земле и перекрыл степную дорогу своим сухим мощным стволом...

Густые ветви могучих дубов с новой силой, словно крыльями гигантских, прикованных к земле птиц, взмахнули, издав при этом листвою шипящее неистовое шуршанье. Казалось, что деревья хотят вырваться из объятий земли и улететь подальше от навалившегося на их плечи мощного ветра. Вся округа наполнилась грохотом нарастающей бури — небо всё чаще расчерчивалось

причудливыми зигзагами молний, они сплетались в единое свечение. Гром нарастал, превращался в сплошной гул канонады. С невероятной силой крупные капли дождя, словно пули, атаковали пыльную дорогу, они со свистом вшивались в сухую степь, через мгновение плотной стеной на землю обрушился ливень, в одну минуту превращая всё вокруг в хаос потопа.

Ураган бушевал и не хотел успокаиваться ещё долго, и в этом грандиозном природном действе были слышны еле уловимые отзвуки дальнего боя.

Окоп превратился в болото. Николай Кобзев, промокнувший до нитки, стоял по колено в грязной жиже, всматриваясь в ночную мглу. На трассе Ростов—Харьков, которая проходила неподалёку от позиций ополченцев, несмотря на грозу, продолжали гудеть машины ВСУ. Летняя буря умирала, унося свои отчаянные вздохи в сторону его родного шахтёрского посёлка. Бой, что не утихал уже несколько дней, громыхал где-то у границы, переплетался с раскатами грома. Жарко было там — на Должанском, бандерлоги рвались к кордону. Тревожные мысли не отпускали Николая всё это время. Выдержат ли они, донбасские ребята, многие из которых впервые взяли в руки оружие, или их сомнут бронёй, сметут снарядами, минами и бомбами?

Николай Кобзев, в прошлом спецназовец Асабадской бригады, был одним из немногих ополченцев, имеющих боевой опыт. В далёких восьмидесятих ему пришлось побегать по горам у границы с Пакистаном. На всю жизнь ему запомнился бой в ущелье укрепрайона “Карера”, когда окружённые со всех сторон врагами десантники, словно львы, сражались с превосходящими силами противника, среди которых были и “чёрные аисты” — пакистанские спецназовцы. Николай никогда не забудет друга Сашку, снайпера — он геройски погиб, перед этим уничтожив из своей СВД около десятка врагов. Его тело долго лежало на передовом рубеже, раздосадованные “духи”, не имея возможности подойти ближе, в бессильной ярости всадили в него более двух десятков пуль, а потом долго расстреливали Сашкину винтовку, которая лежала рядом с ним.

И сейчас Николай, стоя в окопе и вспоминая тот страшный бой, ощущал, как отголоски давней ярости вспыхивали в его сознании, переплетались с ощущениями вновь разразившейся войны, которая пришла на его родную землю, на его Донбасс, на эти с детства до боли знакомые отроги Донецкого кряжа, в эту дивную дубовую рощицу...

Николай всю свою жизнь прожил на Донбассе. Вернувшись из Афганистана, пошёл работать на шахту. Он до боли в сердце переживал развал великой страны — Советского Союза, когда Донбасс и вся Украина была нагло по живому оторвана от единого русского пространства. Нарыв от сердечной душевной занозы и обиды, что у тебя отобрали будущее, от яда украинского национализма, зрел четверть века, и этот нарыв рано или поздно должен был лопнуть. Время пришло. И теперь он с оружием в руках, как и сотни тружеников Донбасса, отстаивал своё право на жизнь и свободу, защищал право говорить на родном русском языке и жить по своим законам, почитать своих героев, помнить свою культуру и традиции. Это было его право. За это они отдают свои жизни, сражаясь за будущее своих детей и внуков.

Николай с душевным упоением смотрел на приближающийся июльский рассвет. Воздух просто звенел после дождя чистой утренней прохлады. Он видел это небесное таинство сотни раз, но каждую такую минуту нельзя переоценить, она всегда неповторима в своей красоте и тайне. Бескрайние степные просторы, холмы и кручи, украшенные буйными травами, сияли в радужных переливах звенящей росы, искрились и уносили Николая в воспоминания такого далёкого и такого близкого детства. Он вспоминал, как по этой трассе Ростов—Харьков они с друзьями ехали на велосипедах на рыбалку на Благовский пруд, весело крутили педали. Как потом, раскинув удочки в тиши камышовой заводи, ловили плотву и зеркальных карпов, как в костре пекли картошку и как после рыбалки, изнемогая от жажды и летнего зноя, по-детски проклиная крутые подъёмы Донецкого кряжа, брели со своими велосипедами в руках обратно домой. Они шли уставшие, но с хорошим уловом. И когда повалились от усталости на траву у степного родника и утолили жажду в тот час для детской души не было счастливей минуты под этим жарким степным солнышком...

— Колька, ты чего там, уснул?

— Нет, что-то взгрустнулось. Детство вспомнил.

— Детство, детство, в одном месте у тебя детство играет. Вот ливень так ливень прошёл, смотри, весь окоп залило. Говорил, что рыть нужно было не на опушке, а чуть правее, под горкой. Правда, там скалистый грунт, но зато сухо было бы. Нет, всё-таки правильно, что мы здесь оборудовали позицию, здесь с фланга от дороги нас не обойдут, а там мы бы как на ладони были, — сам с собой разговаривал Цыган, хотя ему казалось, что Николай внимательно слушает его рассуждения.

Виктор Мамонов, чернявый парнишка с горящими угольками карих глаз и мощным не по годам богатырским торсом — потомственный донской казак. За свою смуглую внешность Виктора прозвали Цыганом, это прозвище с самого детства прилипло к нему. Он так привык к нему, что когда знакомился с кем либо, протягивая растопыренную огромную граблю руки, всегда представлялся: “Цыган”...

Его далёкие предки донские казаки давно обосновались в живописном месте на берегу степной речушки в урочище Боко-Платово. Здесь жил его прадед, дед, отец, здесь родился и живёт и сам Витька Мамонов, и за эту землю он готов сложить голову.

— Я вот думаю, Коля, чего бандерлогам от нас надо? Жили — не тужили, и на тебе — война. Мне батя частенько говорил, от этих рёхнутых на всю голову бандеровцев хорошего ничего не будет. Батину пластунскую казачью дивизию бросили выкуривать фашистских недобитков из схронов на Западной Украине. Какие зверства чинили эти уроды с мирными жителями на своей собственной земле! Нет, Коля, они эту желчь и злобу пронесли сквозь десятилетия и своим отпрыскам передали, вот мы с тобой теперь и расхлёбываем эту заразу...

После того, как блокпост луганских ополченцев на трассе у Дьяковско-го перекрёстка мощью бронетанковой армады и украинской авиации был почти уничтожен, горетка бойцов отошла в сторону села Благовка и, заняв господствующие высоты, здесь готовилась принять бой с превосходящими силами карателей и националистов. Ещё днем, до грозы, длинная вереница бронетехники и машин обеспечения 24-й, 79-й и части 72-й бригад ВСУ прошла по трассе в сторону Зеленополя и Новоборовиц. С такой армией вступать в открытый бой было бессмысленно, это понимали бойцы ополчения и готовились к засадным действиям. Колонна шла мимо скрытых позиций разведчиков, но атаковать не было команды. Поэтому Николай и его товарищи вели наблюдение, передавая данные о противнике по мобильной связи основным силам ополченцев.

Асфальт дрожал от многотонных грузовиков, танков и самоходок.

— Да сколько же их? — прошептал Цыган.

Николай смотрел на безусых украинских юнцов. Их пригнали на Донбасс по преступному приказу командиров и майданного киевского правительства, они ещё не знали, что найдут в этих девственных донских степях свою смерть. Затуманенные украинской пропагандой солдатики этих бригад верили, что идут защищать свою землю от российской агрессии. Николай, хоронясь со своими товарищами в зарослях густого кустарника на краю дубовой рощи, смотрел на проходящую колонну техники ВСУ. На броне сидели срочники. Простые хлопцы, сиротливо прижимаясь к холодной спине БТРов и со страхом озираясь вокруг, ехали в неизвестность. Он смотрел на этих ребятшек через прицел своего автомата. В отличие от нацистских добровольческих батальонов и западных наёмников, как и ополченцы, эти солдатики были жертвами и заложниками братоубийственной войны.

Колонны украинских бригад встали лагерем в открытой степи недалеко от хутора донских казаков Зеленополье и были готовы к решающему броску к границе с Россией. Карательные войска не побеспокоились о скрытности своей дислокации, уверенные в своей безнаказанности.

Светало. Из-за дальних бугров вот-вот должно было появиться солнце. Цыган продолжал черпать мутную жижу со дна окопа.

— Вот ты, Коля, скажи, как боевой десантник скажи, одолеем мы эту заразу, аль нет? Я думаю так: одолеть мы её одолеем, выстоим, сама земля нам в помощь, однако не только нам, но и нашим внукам ещё долго придётся расхлёбывать эту вражду...

По грунтовой размытой дождём дороге со стороны Ровенек к позиции разведчиков подъехали две “Нивы”, машины остановились у поваленного бурей тополя. Николай вышел из укрытия навстречу прибывшим бойцам.

— Кобзев, привет! Еле к вам добрались, дороги в кашу разнесло после ливня! — сказал старший группы.

Он, пританцовывая в испачканном грязью камуфляже, сбивал глину с ботинок.

— Привет, дружище! Как вы здесь, вымокли, небось?

— Есть чуток, — Николай протянул руку товарищу.

— Это тебе не в “избушке” сидеть.

— Не говори, Костя, это точно, ливень — просто ужас, со вчерашнего вечера полночи хлестал.

“Избушкой” ополченцы прозвали здание СБУ в Луганске, которое они захватили ещё в апреле. Тогда активисты “Русской весны” на Донбассе взяли арсенал и, вооружившись, встали на защиту Донбасса. Николай подружился с Костей Пермяком, им уже доводилось бывать в переделках. Они вместе с другими ополченцами в начале июня брали погранотряд в Луганске, отбивались от “нациков” батальона “Айдар” под Металлистом, и вот теперь снова их свела судьба здесь, под Зеленополем.

— Коля, нас прислали для усиления твоей разведгруппы, так что повоюем.

— Это хорошо, только не совсем понятна задача. В сторону Должанки за последних два дня прошло минимум три бригады “укропов”. По связи конкретных приказов не поступало, да и что мы можем сделать с этой машиной? Пощипать, да и только...

Бойцы группы Пермяка из “Нивы” выгрузили крупнокалиберный пулемёт “Утёс” и боеприпасы к нему. Помимо стрелкового оружия, практически у каждого были гранатомёты РПГ.

— Всё будет, Коля! Я думаю, что весело будет сегодня, Коленька. Показывай лучше, где установим “бандуру”.

Николай давно присмотрел на возвышенности между двумя лощинками хорошую позицию. Из старого, поросшего ковыльной травой окопчика времён Великой Отечественной войны в обе стороны на километр просматривалась трасса. Там и оборудовали пулемётное гнездо.

Костя Пермяк и Николай уселись под дубом, закурили.

— Наша задача, Коленька, не выпустить их из мешка.

— Что ты называешь “мешком”? Без артиллерии никакого мешка нам не видать.

— Всё будет, дорогой Коленька, всё будет! Из Луганска в Ровеньки пришло две батареи БМ-21 “Град” и ещё кое-что. Россия нас не бросит!

— Как там в Луганске?

— Тяжело, брат, люди сидят по подвалам без еды, воды и света. “Укропы” бьют по городу со всех сторон. Автовокзал размолодили, и по центру целят гады, бьют по жилым кварталам. Народ сплотился, как никогда сплотился, в часы затишья во дворах на кострах готовят еду, все: и мал, и стар, бабы и мужики — одной семьёй живут под огнём. Народ наш несгибаемый, Коленька! Я вот давеча со своей группой на квартале Мирном попал под миномётный обстрел. Влетаем в подвал одной девятиэтажки, а там десятка два людей прячутся, дети хныкают, бабы плачут, жуть. Мужики, старые шахтёры, подвальчик оборудовали капитально, тут и диванчик, и топчаны, и столик приспособили, как увидели нас тамошние постояльцы, запричитали: “Вы нас, ребятки, не бросайте, защитите, не будет нам житья под “укропами!””. До слёз, Коленька, картинка! Обстрел продолжался, дом подпрыгивал от взрывных волн, но паники я не увидел на их лицах. Один старый седой шахтёр из-под стола вынул бутылку водки и, как бы оправдываясь, сказал: “Это я водочки ящичек на свадьбу дочурке своей припас, теперь пригодился.

Ну-ка, бабы, соберите на стол, выпьем за победу и здоровье бойцов!” Тут где-то рядом ударил тяжёлый снаряд, дом подпрыгнул, да так, что свечи в подвале погасли, а старый шахтёр — как ни в чём не бывало: “Сват, ну-ка, стоняй во двор, о цэ, думаю, абрикоса обсыпалась, тащи, бо закусить нечем!..” Все, кто был в этом подвале, да и мы тоже, покатались со смеху. Вот какие наши люди, Коленька!

Рассветную утреннюю тишину прорезали шипящие звуки, над позицией ополченцев пролетели десятки ракет. Николай невольно пригнул голову, но потом, понимая, что это неистовое шипение несётся в гневном своём порыве на врага, крикнул:

— Цыган, пляши! Наши бьют!

— Ой, да-да, ой-да, ой, да-да-да, ой-да, — запел казак. Цыган выпрыгнул из окопа и, приплясывая, подхватил лихую казачью песенку.

*Как за Доном за рекой, под широким дубом
Раставалася казачка с парнем черночубым.*

Смертоносный шквал огня систем залпового огня снова пролетел над головами разведчиков в сторону Зеленополя. Сплошной гул разрывов всколыхнул землю донской степи, клубы дыма и пыли, перемешанные с огнём, поднялись над горизонтом. Около часа громыхало в степи, а потом наступила тишина, только чёрный дым ещё долго висел в голубом небе и стелился над землёй.

К полудню со стороны Зеленополя по трассе стали выходить остатки разгромленных пороженковских бригад. Николай Кобзев и Костя Пермяк со своими бойцами встретили их плотным огнём. Несколько машин загорелось на дороге, разрозненные остатки украинских солдат, отстреливаясь, ушли по балкам в степь, в сторону российской границы

— Надо бы их добить, Коленька! — сказал Пермяк.

— Нет, пусть уходят, урок им уже преподали, на всю жизнь пусть запомнят и детям своим расскажут, как воевать с братьями...

— Урок-то урок... Да только ни хрена они этих уроков не учат!

Прошло горячее лето 2014 года. После Зеленополя были Изваринский котёл, ожесточённые бои на Саур-Могиле, в Хрещеватом и Новосветловке под Луганском, и, конечно же, Иловайский котёл, после которого деморализованная украинская армия была отброшена от Донецка и Луганска. Первые Минские соглашения принесли на Донбасс относительное затишье, зимой 2015 года боевые действия возобновились с новой силой под Дебальцево. Совместными действиями луганских и донецких ополченцев в феврале захлопнулся очередной Дебальцевский котёл. И снова украинские вояки получили передышку, в Минске были приняты новые соглашения по урегулированию военного конфликта на Донбассе. Во время зимних боёв в районе Дебальцево под Санжаровкой героически погиб Костя Пермяк. Николай Кобзев получил тяжёлое ранение. После лечения он вернулся в родной шахтёрский посёлок.

И вот однажды Николай с друзьями сидел в школьном саду за столиком под пышной яблоней, они пили пиво и вспоминали прошлогодние летние бои у Зеленополя.

— Коля, скажи, где было страшнее, в Афгане или на этой войне? — спросил молодой парнишка.

Бывалый воин хмуро улыбнулся и посмотрел на мальчишку.

— Страшно, Васька, то, что мы сейчас говорим о войне, а не о девках...

Из зарослей старого фруктового сада выбежали две малолетние девочки и наперебой зашебетали:

— Дед Паша! Дядя Коля! Там в саду, в кустах...

— Да что там, говорите внятно, дурёхи, — привстал из-за столика Палыч.

— Дядя Коля, там в кустах негр спит...

— Какой ещё негр?

— Чёрный такой, лохматый. Мы его увидели, испугались и убежали...

Мужики пошли в сторону зарослей вишняка, куда указали девчонки. Подойдя к кустам, Николай шепнул Палычу:

— Вы с Васькой обойдите кусты и с той стороны перекройте ему дорогу, вдруг ломанётся бежать, а я его постараюсь сам взять.

Когда Палыч с Васькой занял свою позицию, Николай в два прыжка вломился в заросли и оседлал спящее чёрное существо. Обмякшее от испуга тело, от которого пахло, словно из помойки, взвизгнуло:

— Хлопцы, не вбывайтэ, не вбывайте, Христом Богом молю, не вбывайтэ!

Николай громко рассмеялся:

— Палыч, иди посмотри, какого негра мы поймали!

Николай схватил за шиворот лохматого, грязного парня и вытащил его из вишняка на свет Божий. Перед ними стояло чёрное от грязи и копоти жалкое подобие человека в заплатанном, с чужого плеча пиджаке и рваных штанах, моргая красными, воспалёнными глазами и дрожа всем телом от страха. Его смрадное, немытое долгие дни тело издавало такую вонь, что было невозможно без отвращения стоять с ним рядом.

— Ты откуда взялось, чудовище? — спросил подошедший к пленнику Пал Палыч.

— Я из Зеленопиля йду...

— Откуда? — переспросил Палыч.

— Из Зелино-но-пиля, — заикаясь, повторил он.

— Это надо же! И куда ты идёшь?

— Не знаю, до дому хочу... Нашу бригаду ещё в прошлом році размолотили под Зеленопилем, вот я и йду...

— Это интересно! Ну-ка, пошли солдатик, пошли, — сказал Николай и подтолкнул пленника в спину.

— Хлопцы, не вбывайтэ, не вбывайте, — опять взмолился чёрный лохмач.

— Не скули, никто тебя трогать не собирается.

Они вышли из глубины сада на поляну к столику, где стояли недопитые бокалы с пивом. Любопытная детвора стайкой кружила вокруг этой необычной процессии. Пал Палыч цыкнул на ребятешек, а их уже собралось целая гурьба: “А ну, марш по домам!”

Но отогнать мальчишек и девчонок было непростым делом. Палыч смирился с этой голопузой публикой, слил в пластиковый стакан пиво и дал пленнику, тот жадными глотками опорожнил стакан и потихоньку стал успокаиваться, поглядывая вокруг из-под лба. Николай усадил его на землю у старой груши.

— Васька, гони к Михайловне в киоск, пивка набери, пусть на меня запишет, видать, у нас разговор будет интересный с этим пугалом.

— Рассказывай, вояка, свою историю. Где ты скитался целый год? Как тебя зовут, бедолага, не забыл ли человеческое имя своё, откуда родом? В какой части служил?

— Степан я... Петруха... Служив в 72-й бригаде, призвали в АТО по повестке, ещё в первую мобилизацию четырнадцатого года, казали, коли не пийду в армию, посадят, ось я и пишов. Родом из Барышевки — це в Киевской области...

— Так ты Степан или Петруха? — переспросил Палыч.

— Петруха цэ призывце такэ.

— Призывце... Фамилия такая — Петруха? Чудно. И где же ты всё это время скитался, Петруха?

11 июля Петрухину бригаду и хлопцев из других бригад 76-й и 24-й накрыло мощным огнём “Градов”. Петруху контузило, валялся без памяти, когда очухался, второй раз накрыло ракетами, получил вторую контузию, присыпало землёй, очнулся ночью, выполз из воронки и пошёл куда глаза глядят. Местности не знал, в голове шумело так, что, теряя сознание, падал в отключке на землю и подолгу лежал без чувств. Примерно через сутки вышел на окраину какого-то небольшого села. Забрался в огород, от голода стал жевать капусту и морковку прямо с землёй, потом снова потерял сознание. Его нашла старенькая бабушка, выходила, козым молоком поила...

Васька притащил три полторухи пива, Николай налил бедолаге в пластиковый стакан, пиво совсем развязало ему язык.

Всё началось ещё 10-го числа. Хлопцы из 72-й бригады к тому времени уже пять суток сопровождали военные колонны с пищей, водой, бензином, боеприпасами. Прикрывали зенитками и пулемётами, проводили колонны по точкам Луганской и Донецкой областей. Сделав круг, уже должны были возвращаться на место дислокации, но начальник приказал выйти из колонны и проводить 79-ю бригаду, которая шла в сторону границы.

В пути заночевали на базе 24-й бригады, которая стояла под селом Зеленополье. Когда приехали туда, велено было ложиться отдыхать прямо посреди поля. Но Петруха, в отличие от остальных, загнал свой бортовой “Урал” с зенитной установкой в посадку, это его и спасло. Весь вечер и половину ночи лил такой дождь, что света белого не было видно, гроза пылала во всей округе. Ночью 11 июля в 24-ю бригаду пришла ещё одна колонна с боеприпасами. Машины выстроили квадратом тоже посреди поля, а рано утром всех накрыло “Градом”.

Интересно, что когда их разбомбили, то рядом не оказалось ни одного офицера. Петруха очнулся контуженный в посадке, “Урал” горел. Он выскочил из зарослей и увидел страшную картину: море огня, дыма, искорёженная техника и трупы, трупы, трупы... Раненые стонали, просили о помощи. У места дислокации 24-й бригады стоял заброшенный ангар. Те, кто ещё держался на ногах, стали заносить туда раненых. Оторванные руки, ноги. У кого живот, развороченный осколками, у кого глаз нет, кто-то обгоревший. Десятки, а то и сотни людей валялись на этом страшном поле. Убитые и раненые — все вперемешку.

Вскоре всех накрыло ракетами повторно, Петрухе снова повезло, присыпало землёй, потерял сознание. Ночью, когда очнулся, понял, что кто остался живым — ушли, а он один среди кусков человеческих тел и груды обгоревшего металла.

— Ой, як же страшно, хлопцы, який жах!

— Слушай, ты, не дави на слезу! — вспыхнул Николай. — Ты хоть теперь понял, что здесь вас не ждали с хлебом-солью? Ты говоришь, что тебя бабушка выходила, а ты и такие уроды, как ты, пришли её убивать...

— Николай Иванович, не заводись. — Пал Палыч не на шутку испугался, что Николай бросится на этого оборванца.

— Не переживай, Палыч, не трону я это чучело, просто злость берёт, что лето четырнадцатого их так ни чему и не научило, зимой снова полезли под Дебальцевом. Вот такие же уроды в Санжаровке раненого Костю Пермяка ножами добили, а когда возьмёшь их за одно место, все норовят на слезу надавить, все становятся такими кроткими и пушистыми, что аж тошно...

Степан опустил голову и, чуть всхлипывая, плакал.

— Что нони распустил, рассказывай, как ты зиму пережил, воин?

— Мэне бабуля схоронила, сусидам казала, шо онук приихав бабку доглядать, — снова заканючил Степан. — Не вбывайтэ, хлопцы!

— Эх ты, негр из АТО... Я сказал, что не тронем тебя, отправим куда надо, может твою паршивую шкуру обменяют на нормального человека. Ты хоть знаешь, сколько невинных людей сидит в застенках СБУ или не знаешь?

— Знаю... Богато...

— Богато... Давай, рассказывай дальше.

Всю зиму он прожил у бабы Кати, помогал ей по хозяйству, она кормила. Боясь попасть к ополченцам, документы свои он выбросил, да и домой как возвратиться не знал. Баба Катя недели две назад сильно заболела и через три дня умерла, он испугался, что во время похорон его вычислят. Сообщил о смерти бабы Кати соседям, собрал харчей и тихонько ушёл из села. Решил идти домой, на Украину, но не знал, куда идти, вот и забрёл сюда...

— Ладно, всё с этим типом понятно. Васька, иди к Серёге Коротку, пусть заводит машину, повезём этого вояку в Ровеньки, сдадим в военную прокуратуру, пусть там с ним разбираются, — сказал Николай.

— Ты-то теперь, Степан Петруха, понимаешь своей башкой, что и здесь твоя душонка показала свою сущность. Ты же предал, и после смерти предал старушку. Она тебя спасла, пригрела, а ты, как паршивый пёс, прижав хвост, сбежал. Хотя ты не пёс, даже псы так не поступают! Эх! — махнул рукой Николай и отвернулся от этого жалкого существа.

Негр из АТО сидел у старой груши и плакал.

— Не вбывайтэ, хлопцы, не вбывайтэ...